

*Из новых стихов
2002-2005 гг.*

**«Время»
Москва
2006**

Лариса Миллер
«Сто оттенков травы и воды»
Из новых стихов 2002 - 2005

Москва
2006

«Время»
Поэтическая
библиотека
Серия основана в 1993 году

В оформлении обложки использован рисунок
Галины Казаковой

Иллюстрации
Елены Колат

Редактирование и корректура
Лариса СПИРИДОНОВА

Художественный редактор
Валерий КАЛЫНЬШ

Вёрстка
Жанна МАХМУТОВА

ББК 84Р7-5
М60

ISBN 5-9691-0117-6

Миллер Л.Е.

«Сто оттенков травы и воды. Из новых стихов, 2002-2005 гг.» / М.: Время, 2006

Имя Ларисы Миллер хорошо известно любителям поэзии. По словам Арсения Тарковского, - «Язык её поэзии - чистый и ясный до прозрачности литературный русский язык...». Новая книга продолжает и дополняет вышедшее в 2004 году поэтический сборник «Где хорошо? Повсюду и нигде...», в котором наиболее полно представлено творчество Ларисы Миллер за четыре десятилетия, начиная с первых стихотворений 60-х годов.

Краткое содержание

«В мире зыбких величин» (2002) - 3

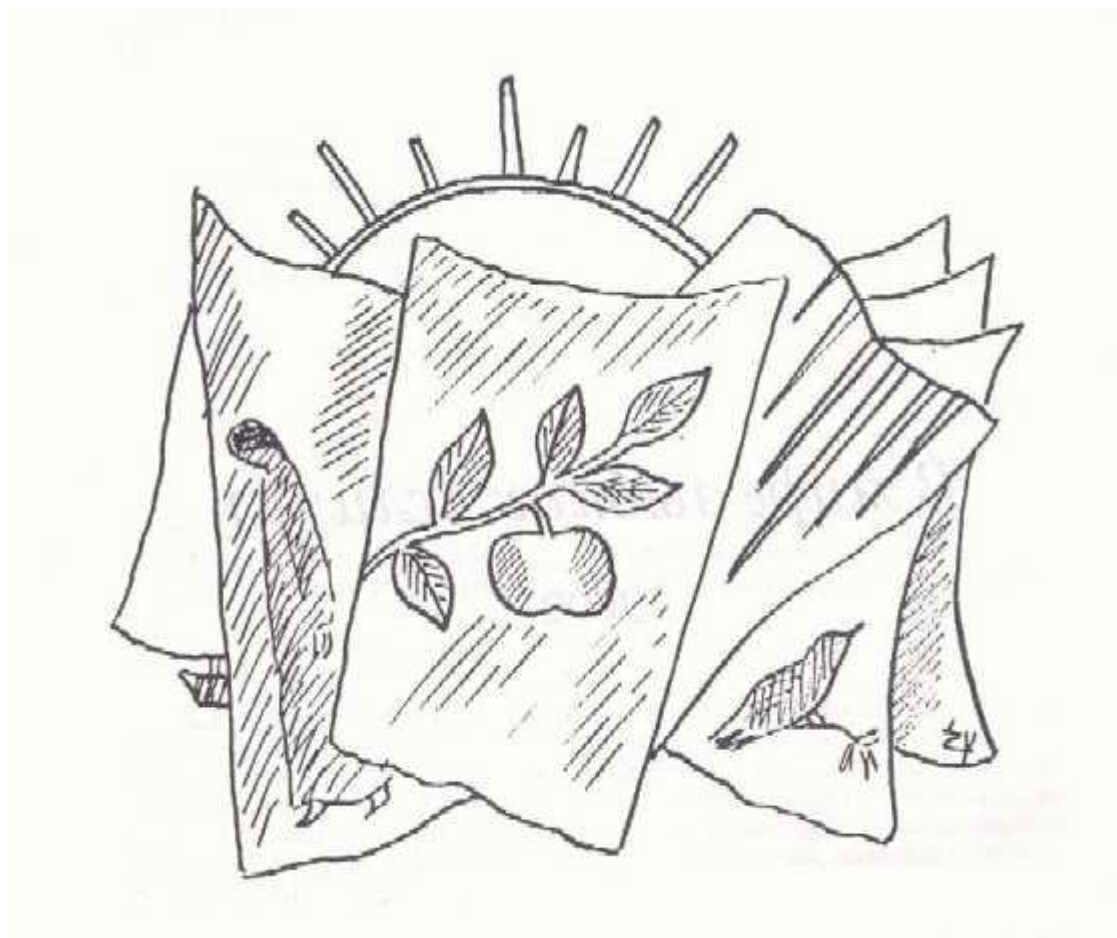
«Горизонта текучая линия» (2003) - 9

«Посреди земли» (2004) - 20

«Необоримый свет дневной» (2005) - 37

Полное содержание - 60

В мире зыбких величин 2002

Ну а после, коль не бредим,
В тихий рай тихонько въедем
И в счастливейшем раю –
Баю-баюшки-баю –
Отдохнём и отоспимся,
В сладких снах себе приснимся.
Хорошо бы ангелок
В этот райский уголок
Уволок бы нас отсюда.
Хватит нам земного гуда,
Разных тягот и невзгод.
Под журчанье чистых вод
И под ангельское пенье,
Чередуя сон и бденье,
Будем жить, светло грустя,
Райским яблочком хрустя.

Зреют яблоки на ветке...
Весел фон. Живите, детки!
Вот вам лютик. Вот вам мак,
Но не знают детки как,
Но не знают Божьи дети
Как им жить на белом свете.

День выдохся, его сморило,
А утром птица так парила,
И день мне столько обещал,
Но незаметно обнищал.
Он обнищал и обленился,
И со стихов на прозу сбился,
На прозу сбился со стихов,
И ускользнул, и был таков.

Что со мною? Я болею,
Я никак не одолею
Невидимое мною
Притяжение земное.
Сверху мир такой небесный
Невесомый, бестелесный,
И просторный, и летучий,
Я стою внизу под тучей,
Провожая взглядом стаю,
Не парю и не летаю.

Окруженье кружевное...
Счастье – дело наживное:
Ненадолго прикорнём -
И проснёмся летним днём,
И узрим такие вещи:
Лист дрожит и тень трепещет,
Тень трепещет, лист дрожит,
Тополиный пух кружит,
Лепесток цветочный кружит –
На земле в июне вьюжит.
Ах, июньская метель,
Летней жизни канитель:
Голосит над ухом птица,
Неведимка-кружевница
Кружева свои плетёт,
Луч сияет, куст цветёт,
Куст цветёт, лучи сияют,
А в пустотах, что зияют
Выше, ниже, там и тут –
Шёлка синего лоскут.

Тихой птички перелёт,
Тихое парение.
Как присядет, запоёт,
Глянь на оперение.
Что за птичка? Как узнать?
Где определители?
Кто её отец и мать -
Шустрые родители?
Кто носил ей червяка?
Вил гнездо на веточке?...
Ах, увы, не на века
Мы и наши деточки:
То ли дунет ветерок,
То ли кошка сцапает,
Но покуда дремлет рок,
Над тобой не капает,
Ты чаёк неспешно пьёшь,
Пробуешь вареньице,
Веря - дом, где ты живёшь,
Никуда не денется.

Да не прервётся связь времён!
Да будет краткий миг продлён
Лучами, ливнями, тенями,
Ночными зыбкими огнями!
Да не сгорит горящий куст!
Да будет холст, как небо, пуст
И полон только ожиданья!
Да предстоит ему свиданье
С рукой творящего, рукой,
Способной нарушать покой.

Мой зелёный тихий сад,
Ты – мой главный адресат.
Говорю с тобой, вздыхаю,
Говорю и затихаю.
Говорю тебе: «Увы»,
А ответом – вздох травы,
Говорю: «Увы, не спится»,
А в ответ – щебечет птица,
Затихаю, а в ответ –
Птица, яблоня, рассвет.

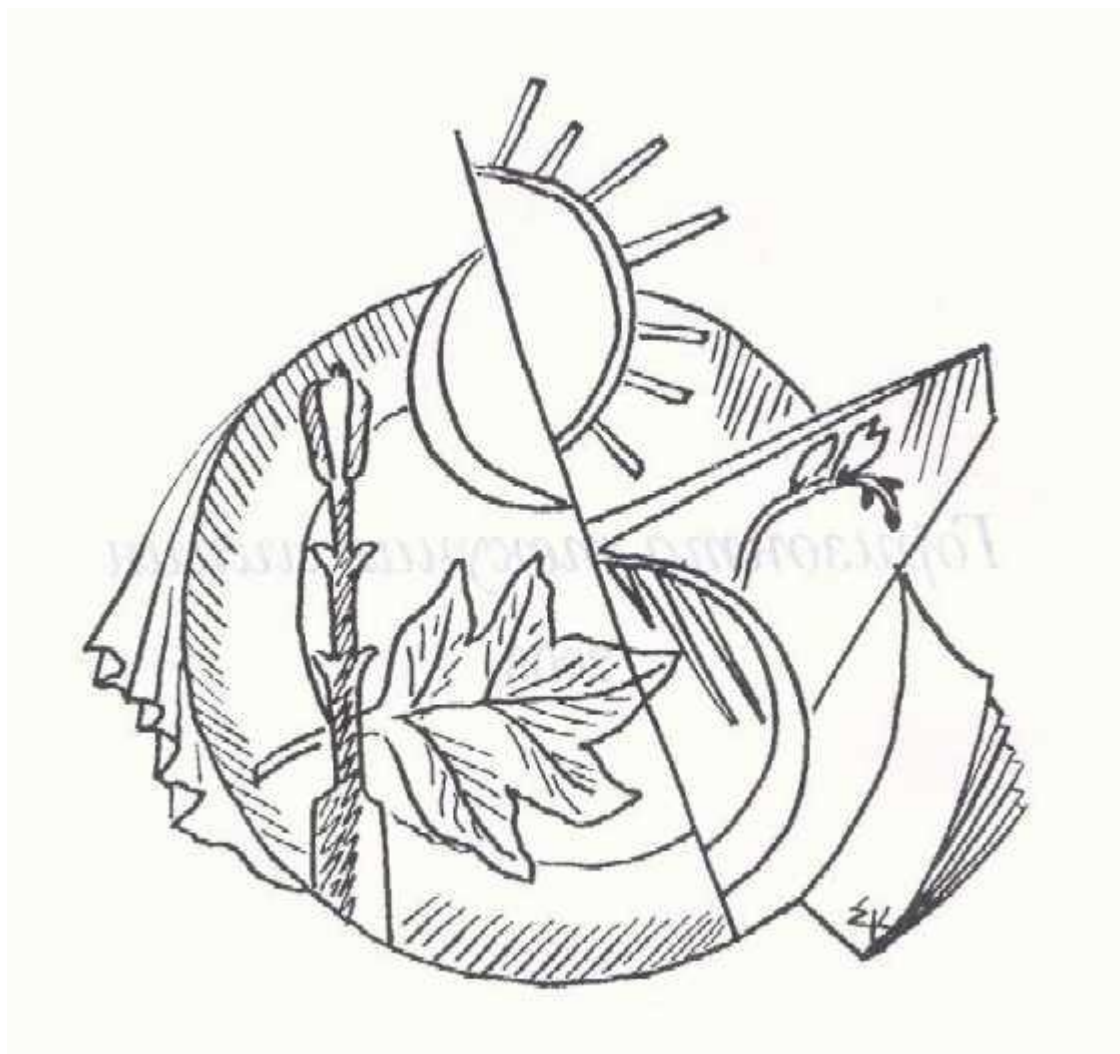
А я гляжу не без опаски
Как жизнь идёт, сгущая краски:
И синева и чернота,
И все небесные цвета –
Всё на пределе, на пределе.
Душа, которой тесно в теле,
Готова вырваться вот-вот
И устремиться в небосвод.
Останься, маленькое чудо,
Не покидай меня покуда
Способна мне томить глаза
Небес густая бирюза.

В мире зыбких величин
Убиваться нет причин.
Всё текуче, всё текуче,
Поживай, себя не муча.
Убиваться ни к чему,
Зыбкий свет в твоём доме,
А к нему ещё подсветка –
В золотистых листьях ветка.

Вся в золотом долина плача.
Иду по ней, а как иначе?
Шурша листвою, иду по ней
Сквозь вереницу пёстрых дней.
И никогда не прекратится
Ни путь, ни золото, ни птица,
Ни озеро, где ранний лёд,
Где ива тихо слёзы льёт.

Горизонта текучая линия

2003

Откуда я? Откуда ты?
Из ничего, из пустоты,
Из пустоты, из ничего,
День пролетел и нет его.
О как богата пустота –
В ней все оттенки и цвета,
И новый мрак, и новый свет,
И то, чего в природе нет.

Ночь метельная была.
Ангел мой, раскрыв крыла,
Обойми меня, закутай,
Не пускай на холод лютый.
Мне не справиться одной.
Снег идёт сплошной стеной.
Обойми меня крылами,
Отведи, как в детстве, к маме,
Если знаешь, где она...
Снега зыбкая стена
Вырастает перед взором.
Время нас берёт измором.
Ни дорог и ни путей.
Только холод всё лютей,
Да в домах, тоской объятых,
Шёпот ангелов крылатых.

Храни нас Бог, храни, храни.
Мы в этом мире без брони.
Земля уходит из-под ног.
Но, Господи, и Ты бы мог
Любой душе средь бела дня
Шептать: “Храни, храни меня”

Всё “зачем” да “почему”...
Не доступная уму
Жизнь идёт себе, идёт
И ответа не даёт,
Не даёт себе труда
Объяснить зачем, куда
Ей приспичило идти,
Нас теряя по пути.

На тропе, что тянется,
Куст под ветром мечется...
Боль твоя останется,
Боль твоя не лечится.

На тропе, что тянется,
Куст сирени пенится...
Боль твоя останется,
Никуда не денется.

Ходишь долгой тропкою,
Куст ветрами треплется,
И надежда робкая
Всё не гаснет. Теплится.

Небо синее, синее, синее,
Горизонта текучая линия
Никогда и нигде не кончается,
В речке облако тихо качается.

Жить легко. От лукавого сложности
И неслыханны наши возможности,
Наверху небеса безграничные,
Под ногами поля земляничные.

Ну успокойся, успокойся,
Живи и ничего не бойся,
Кругом воздушная среда,
И, раз уж ты попал сюда,
Дождями летними умойся.

Летят по ветру лепестки...
Увы, не избежать тоски,
Но и тоска остра, как счастье...
Поди пойми, что в нашей власти,
Что далеко, к чему близки.

Мне сегодня не до сна,
Потому что жизнь грустна.
С каждым днём она грустнее,
Подскажи, что делать с нею,
Как её растормошить,
Ноты горестной лишить,
Как лишить щемящей ноты...
Но всё время слышу: “Кто ты?
И зачем тебе дана
Высь, которая без дна?”

Посулы дивные всё глуше.
А хочется, развесив уши,
Их слушать, слушать без конца...
Цветёт шиповник у крыльца,
Белеет у крыльца шиповник,
И дождь, как молодой любовник,
Стучит то в двери, то в окно...
Лишь благолепие одно
Творится тут и там, повсюду,
И дождик сбил на землю груды
Ему покорных лепестков
И прошумел, и был таков.

Боже, как освободиться?
Надо было не родиться –
Тучкой в небе проползти,
Светлым дождиком пролиться,
Незабудкой расцвести.
Чтобы сердце так не ныло,
Не болело, надо было
Виться розовым вьюнком,
Что с фасада или с тыла
Украшает чей-то дом.

Сверху светлая черта,
Снизу тёмная черта.
И не вырваться наружу. Жизнь меж ними заперта.
И бурлит она, бурлит,
От неё душа болит,
И ничто на белом свете эту боль не утолит.

Свет негаснувший льётся и льётся...
Мир без нас так легко обойдётся...
Ну и ладно. Какая печаль?
Слава Богу, сегодня поётся,
И видна негасимая даль.
“После нас хоть потоп”, - говорится.
День придёт и дожди будут литься
И распусятя вновь лепестки,
Будут петь оголтелые птицы
В день, когда задохнусь от тоски.

Жизнь – она весела и печальна,
Бесконечна она, безначальна,
Так печальна и так весела.
Я её изучила детально,
Потому что так долго жила.

Потому что так долго скиталась,
А вернее, так долго металась
На её многоцветных кругах,
Так из крайности в крайность кидалась,
Что теперь не стою на ногах.

А сейчас тополиная вьюга...
Не сойти бы нечаянно с круга
И друг друга бы не потерять,
Каждый миг окликаю друг друга,
В день метельный отважно нырять.

Ничего не понимаю.
Пенью птичьему внимаю
И гляжу на синеву.
Жизнь прошла, а я не знаю
До сих пор зачем живу.

До сих пор одни вопросы...
На траве сверкают росы...
Все при деле. Все в трудах:
Тополя бегут с откоса,
И жасмин цветёт в садах.

Всё путём, и всё в порядке.
Наступает самый краткий,
Самый сладкий летний миг.
Под ногами – только шаткий
Только зыбкий солнца блик -

Вот и вся моя основа.
Не предвидится иного.
Остальное - только миф...
Боже мой, скажи хоть слово,
Хоть словечко - чем ты жив?

Что вижу, о том и пою.
А что ещё делать в раю?
Вот вижу большую ворону,
Что важно идёт по перрону.

И нет здесь особых красот.
Льёт дождик с небесных высот,
И льёт он всё пуще и пуще
На здешние райские кущи.

Кругом воздушная среда,
И день зовёт: “Сюда, сюда,
Под своды кровя.
Всё под рукой – постель, еда
И родниковая вода –
Здесь всё готово”.
На этот зов иди, иди,
А что там дальше, впереди
Гадать не стоит.
Моторчик маленький в груди –
Он всё устроит:
Заставит делать выдох-вдох
Пока он вовсе не заглох,
Пока стучится,
И новый день – хорош ли, плох, -
Но он случится.

Дома крашенный фасад,
Два окна выходят в сад,
А в саду трава и ветки,
Остов брошенной беседки.

Сад от ливня мокрый весь
Жизнь моя проходит здесь,
По траве легко ступая,
От лучей совсем слепая.

Текущий день, сходя на нет,
Оставил акварельный след,
И я за ним иду по следу
В вечерний час, шестого, в среду.

Его подвижные мазки
К исчезновению близки,
И вместе с ними я исчезну,
Легко нырнув в ночную бездну,
Не ведая удастся ль мне
Очнуться в следующем дне.

Летают влюблённые в небе белёсом...
А жизнь на земле, как всегда, под вопросом,
А жизнь на земле то ли есть, то ли нет,
И льётся на землю полуденный свет,
И луч прикасается к каждой травинке...
У долго живущих в лице – ни кровинки...
И ежели твой незначителен вес,
Не надо спускаться на землю с небес,
На грешную землю не надо спускаться,
Не надо вовеки земного касаться,
А надо летать и летать, и летать,
Глядеть как стемнело, как будет светать.

Жизнь – она твоё личное дело.
Как текла, почему улетела –
Это боль и забота твоя.
Где она? Ты куда её дела,
Веселясь или слёзы лия?
И о чём твои тайные вздохи?
Уж конечно не свойства эпохи
Виноваты. О свойствах потом.
Хороши времена или плохи –
В веке не` жил никто золотом.
Нет на свете сверхчуткого уха.
А и было бы, хватит ли духа
Обнаружить потёмки души...
Времена тополиного пуха
Наступили. И как хороши.

Юле Покровской

День за днём идём по кругу...
Что мы можем дать друг другу?
Что-то всё же можем дать –
Эту в буквах тетрадь
А в тетради строчка вьётся,
В ней про то, как нам живётся,
А, точнее, в ней вопрос,
А, ещё точнее - SOS –
Помогите, помогите -
Вот такие нынче нити
Крепко связывают нас
В пятый раз, в десятый раз

Сценка с бабочкой. Сценка с листом,
Что кружится в пространстве пустом –
Столько разных стремительных сценок
Мир готов предложить за бесценок.
Из несметных любую бери.
Ну а хочешь, в пространстве пари.
Ты и сам есть участник сюжета,
Тьму ролей ты сыграл в это лето,
Тьму заглавных и мелких ролей
Средь лесов и лугов, и полей.

Все эти маленькие люди
Всегда живут мечтой о чуде,
А чуда нет, а чуда нет,
Но вместо чуда есть балет
Листа, танцующего плавно,
И сей балет идёт исправно
Из года в год осенним днём,
Когда весь мир горит огнём.

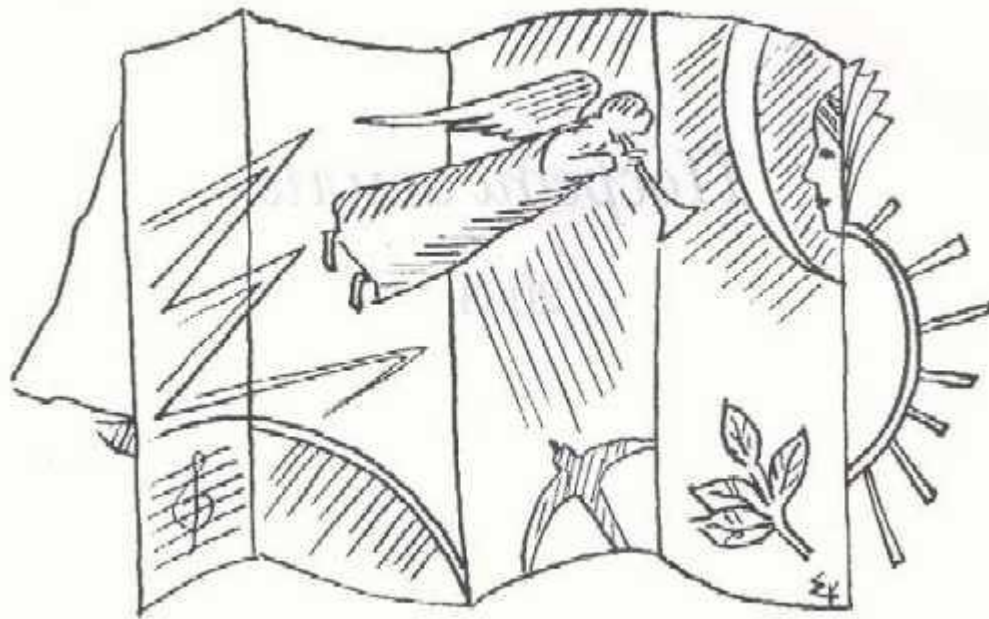
Ни о чём ещё не было речи...
Зажигаются листья, как свечи,
И дрожат, и летят, и горят...
О разлуке, о смерти, о встрече
На земле ещё не говорят.
Слов таких ещё нету на свете.
Божьи чада лепечут, как дети, -
Безмятежны, невинны, юны,
И дождя серебристые сети
Им для пущей забавы даны.

А мир так безнадежно плох,
Что приуныл уставший Бог.
Он под седыми облаками
Развёл в отчаянье руками.
Что делать? Снова всё топить?
Или бесшумно облепить
Всё покрывалом белоснежным,
Пушистым, девственным и нежным?

И нет завершения. Ещё не конец.
И тайное что-то задумал Творец,
Ещё продолжается мысли паренье,
Ещё Он намерен продолжить творенье:
Нездешнее что-то в волнение слепить
И горькой любовью потом полюбить.

Посреди земли

2004

Ночь за окном. Эта ночь за окном...
Что ни скажу я – всегда об одном,
Что ни скажу я, как полночь, старо...
Жизнь невесома, как птичье перо.
Веришь мне? Верь, будто жизнь весела.
Ночь за окном, но снежинка бела,
Вот она вьётся, летается ей
Возле неярких ночных фонарей...
Всё образуется. Веришь мне? Верь.
Было достаточно слёз и потерь...
Видишь, в окно моё светит звезда?
Всё образуется. Веришь мне, да?

Снежинки, как ангелы, с неба летят.
Они почему-то на землю хотят.
А жизнь на земле вся из слёз и из света...
Живи с лёгким сердцем, послушай совета.
Не знать тебе гнёта иного вовек,
Чем этот летящий на голову снег.

Столько белого кругом.
Средь снегов стоит мой дом.
Свет погашен и в ночи
Шарят лунные лучи.

Ночь касается плеча
Самым кончиком луча
И зовёт поговорить...
Надо мыслью воспарить.

Только что же я скажу?
Я тихонечко лежу
Среди белых простыней,
Лунных пятен и теней.

Что делать в этот день метельный?
Желателен режим постельный:
Лежишь себе, глядишь в окно,
Где мельтешение одно,
Где хлопья снежные летают,
Где миги точно хлопья, тают,
А ты лежишь себе в тиши —
Успокоение души.
И ничего не происходит,
И на тебя покой нисходит,
И, суть по-прежнему тая,
Летит и тает жизнь твоя.

Шуршание и хруст,
И зимних птиц паренье...
Судьбе благодаренье
Слетает с мёрзлых уст.
Мы здесь пока. Мы здесь.
Всё наше – снег и птицы,
А ночью куст приснится
От снега белый весь.

С белым светом говорю,
С белым –
Вот таким я занята
Делом.
Я толкую с ним зимой,
Летом,
И других у меня дел
Нету.

Говорю о том, что томит,
Мучит-
Тишине внимать он меня
Учит.
Кабы знать, что он меня
Слышит...
Птичий крестик на снегу
Пишет.

Пишу короткие заметки...
Сидит воробышек на ветке.
Чем не событие, скажи –
Всё остальное – миражи,
Всё остальное лишь помстилось...
На ветке птичка примостилась,
А через миг она взлетит,
Ей жизнь оседлая претит.
И я бы тоже с ней взлетела,
Но я, увы, земное тело,
И по земле хожу пешком,
Скрипя сверкающим снежком.

Сероватое небо такое,
А под ним никакого покоя,
А на небе два синих мазка,
А под небом такая тоска,
А под небом такая морока,
А до неба – далёко, далёко,
И оно всё ясней и ясней...
А тоска... что поделаешь с ней?

Я прошу: не покинь, не покинь,
Равнодушна небесная синь,
Не оставь же меня одинокой
Под безоблачной синью далёкой.
Где б ты ни был, я буду с тобой,
Я пойду по дороге любой,
Лишь бы только идти с тобой рядом.
Под небес немигающим взглядом.

Посвящается фильму “Сказка сказок”

Красное яблоко падает в снег.
Вечного времени медленный бег.
Вечного времени медленный ход.
Красного яблока тихий полёт.
Это из сказки, где нету конца.
Сказка такая одна у творца.
Красные яблоки с белых ветвей
Падают в снег. И поёт соловей.

Что делать посреди земли?
“Замри, - сказали мне, - замри,
Смотри и слушай.
Смотри на горнее вдали,
На воду с суши”.
А чем ещё на свете жить?
Спустилась серенькая нить
С небес на землю,
Дождю сегодня лить и лить,
Стою и внемлю.
Такое дело у меня:
Совсем одна средь бела дня
Без всякой цели
Стою, молчание храня,
Под птичьей трели.

Прошлых ливней влажный след,
Птичьим хором день воспет.
Очень звонок птичий хор,
А на смертных нынче мор.
Жить на свете – тяжкий труд,
Оттого они и мрут.
Даже песенка щегла
Никому не помогла.

Голубое, зелёное всюду...
Я ещё здесь немного побуду.
Разреши мне, Господь, разреши
Хоть немного помешкать в тиши.

Ветка яблони смотрит в окошко...
Я ещё здесь побуду немножко,
Пошепчусь и с листвой и с травой,
В суть беседы уйдя с головой.

Цвела крапива жёлтым цветом,
И было это ранним летом,
И только начинался пир.
Шёл карапуз с большим букетом
И познавал окрестный мир.
И познавал он мир окрестный,
Такой земной, такой небесный,
Непознаваемый такой.
На землю падал луч отвесный,
И на земле царил покой.
Во всяком случае, казалось,
Что он царит. Щеки касалась
Слегка увядшая сирень,
И я жила, верней, спасалась
От всех печалей в этот день.

А день летуч, как лёгкий штрих,
Летуч, стремителен и тих.
Мир пишет быстрыми штрихами,
А я о нём пишу стихами.
И парной рифмы два крыла
Ту жизнь, которая была,
Так осторожно обнимают
И над землёй приподнимают,
Чтоб в день грядущий отнести
И от забвения спасти.

Мак в бутылке. Красный мак
В узенькой бутылке...
Что я делаю? Да так,
Пальцы на затылке
Я сцепила и гляжу
В потолок белёный,
За большим шмелём слежу,
Рядом сад зелёный.
Выйду, сяду на ступень,
Ветка над ступенькой...
Тенькай, птичка, целый день,
Не ленись и тенькай.
Ничего я не хочу,
Ничего не надо,
Подставляю лоб лучу
В самой гуще сада.

Я живу в зелёной зоне,
Разноцветье на газоне,
Ветер ветку шевелит...
А душа моя болит.
От того ли, от того ли,
Что душе нельзя без боли?
Ветру веять, птице петь,
А душе моей болеть.

В нашей средней полосе
По утру трава в росе,
Под лучом трава блестит,
Человечек здесь гостит.
Ходит, мается, канючит,
И себя и ближних мучит,
Весь в заботах и страстях,
Позабыв, что он в гостях.

Сядем на завалинку. Будем толковать.
А кукушка в рощице будет куковать.
С шорохом и шелестом дождик моросит,
Облако белёсое над землёй висит.
Сядем на завалинку. Некуда спешить.
Можно очень медленно днём июньским жить.

Земля – это гиблое место.
Не надо ни оста, ни веста.
Спасайся, кто может, беги,
Покинув земные круги.
Но как с них сойти добровольно?
А жить и опасно и больно,
И новый вращается круг
Для новых терзаний и мук.

И сказать не могу как устала,
Смена утр и дней, и ночей.
Ночь в углу мне бесшумно постлала
Рядом с лампой в пятнадцать свечей.

Лампу выключу, сны обступают,
Слов обрывки приходят на ум,
Дождик землю большую купает,
Надо спать под ночной этот шум.

На стекле моём капли повисли.
Летний дождик и долог и тих.
Надо спать, отдыхая от мыслей,
От навязчивых мыслей своих.

К этой жизни нет отмычки...
В небесах летают птички.
Сотворил однажды плоть
Пестрокрылую Господь.
Сотворил такое тело,
Чтоб оно легко летело,
Чтобы пело на лету,
Украшая маету
Нашу бедную земную,
Обещая жизнь иную
Где-то после, где-то там
В мире, что неведом нам.

Грусть моя никуда не девается,
А дорога бежит, извивается,
И над лютиком кружит пчела.
Нам с рожденья назначено мается,
Значит я уж давно начала.
Так и маюсь с утра и до вечера.
Потерпите меня - делать нечего.
Я сама себя еле терплю,
И вопросом – зачем всё заверчено
Святой Боже, Тебя терблю.

То по крестикам сирени,
То по белым лепесткам
Выхожу на свет из тени
Под июньский птичий гам.

Не кончайся, не кончайся,
Белый день и круг земной,
Только лучшее случайся
В пору летнюю со мной.

Знаю, что не заслужила
Эти Божие дары,
Просто по миру кружила —
То на горку, то с горы,

Но зато я пела, пела,
Пела все оттенки дня
И про то как пламенело
Небо слева от меня.

Ждёшь новенького? Жди. Авось оно случится.
А в общем-то тебе не вредно полечиться
От всяческой тоски и прочих всех напастей...
Лазоревы мазки на небе в день ненастья.
Как воздух мне нужны зигзаги и извивы.
Давно приелось всё, чем мы доселе живы.
Так хочется вестей счастливых в миг порожний,
Но нет мечты пустей. Пустей и безнадёжней

Эта влажная ветка в открытом окне,
Под окном моим маки горят, как в огне.
Под окном моим алые маки горят...
О сплошных пустяках на земле говорят.
Ну а жизнь так мала, безнадёжно мала,
Вот уже прозвучало не “есть”, а “была”.
Всё в мгновение ока промчалось, прошло,
А остаток пылающим маком прожгло.

Три горчайшие таблетки
Запиваю молоком
И подобно малолетке
Не волнуюсь ни о ком.
Улетучилась тревога,
Испарился мой невроз,
Понемногу, понемногу
Станет жизнь долиной роз.
Три таблетки я глотаю,
Как предписано врачом,
И уже почти летаю,
Не горяю ни о чём.
Я таблетки без облаток
Принимаю три подряд...
Этот сон хорош, но краток.
А проснусь – и снова ад.

Целые сутки дождя шелестение.
Вымокли птицы, намокли растения,
Шелест и шорох, и шум.
Дождик озвучил и сон мой и бдение,
Уйму безрадостных дум.
Кто я? Откуда я? Вряд ли поведаю,
Вряд ли отвечу, поскольку не ведаю...
Дождик шуршит и шуршит.
День, за которым покорная следую,
Влажною нитью прошит.

Что надо, чтобы жить?
Совсем немного надо:
В июльский день кружить
По тихим тропам сада.

Здесь на краю села
Весь день белеть жасмину...
Я век свой прожила,
А лета – половину.

Лучи, что день принёс,
На радость нам даются,
И нет причин для слёз,
А слёзы льются, льются.

Чего мне хочется? Побега.
Какого-то морского берега,
Каких-то безымянных вод,
И чтоб волна на берег тот
С шуршаньем тихим набегала,
Чтоб надо мной звезда мигала
И чтобы посылала свет
В края, которых в мире нет.

А дело было летом, летом,
Лучами жаркими согретом
В июле праздном и цветном,
И дом украшен был букетом.
Цвели пионы под окном.
Верней, пионы отцветали,
Повсюду лепестки летали,
Огромный шмель жужжал в тиши,
И были все эти детали
И праздничны и хороши.
Я написала: “Дело было”,
Но дела не было, и плыло
Далёко облако одно,
В корытце мама Лушу мыла,
Как было сказано давно.
Корытце нынче надувное,
А время жаркое, дневное,
И лейка в маминых руках...
Пытаюсь царствие земное
Восславить в двадцати строках.

От яблок ветка тяжела.
Я рядом с ней весь день жила,
И поживу ещё, быть может,
Коль хватит сил, коль Бог поможет.

Плоды зелёные висят,
Дожди всё лето моросят,
Размокший след ведёт к калитке,
А жизнь моя висит на нитке —
На солнечной, на дождевой,
На ускользящей, живой.

Так грустно, Господи, так грустно.
Об этом письменно и устно,
И на рассвете и в ночи.
А жизнь, как пламя от свечи.
Оно мало и ненадёжно,
Под ветром мечется тревожно,
Пытаясь выжить как-нибудь,
И так легко его задуть.

Одна поэзия, без прозы...
Летают быстрые стрекозы,
Мир нежен, как на окнах тюль...
Ах, не меняй удобной позы.
Ласкает солнечный июль,
А, может, август – губы, руки,
И вместо нестерпимой муки -
Лишь по лицу скользящий блик
И курс неписаной науки
Как удержать счастливый миг.

Течению жизни никак не мешая,
Качается яблони ветка большая,
Качается возле окна,
Качается ветка, меня утешая:
Мол, ты не одна, не одна.

Шуршит, шелестит на ветру то и дело.
Вот птичка на ней пять секунд посидела,
Вот плод незрелый упал.
А ветка качалась, а время летело,
И вечер уже наступал.

На фоне синем и зелёном –
Не расставаться б с этим фоном –
Проходит нынче жизнь моя,
Идёт беседа дуба с клёном.
Деревья шепчутся. А я?

Мне тоже надо б пошептаться
О сокровенном, попытаться
Понять откуда и зачем,
Кому, куда... но это вкратце.
Для разговора много тем.

Мои беспомощные звуки –
Всего лишь знак сердечной муки.
Верней, сердечной смуты знак.
Живу, заламывая руки...
Да нет, пустое, всё не так.

На фоне бирюзово-синем
Мы все живём, пока не сгинем,
Пока во тьме не пропадём,
Пока земное не покинем
Таким же лучезарным днём.

Вы все живёте. Я мечусь.
Я не живу. Я жить учусь,
Хотя как будто поздновато
Учиться жить в часы заката.

А кто мои учителя?
Берёзы, ели, тополя,
Их состояние покоя,
Необходимое такое.

И облака, и облака,
Их отразившая река,
Её спокойное течение
И дня текущего свеченье.

Где-то музыка играет,
День осенний догорает,
Скрипка тихо ворожит,
День пока не пережит.
Что ещё в него вместится?
Шорох листьев, пенье птицы,
Луч, упавший на порог
И вот эти восемь строк.

А с небес, что чисты, как вначале,
Опустился мой ангел печали.
Он меня целый день опекает
И во все мои нужды вникает.

Озабочен моими делами,
Он меня обнимает крылами,
Терпеливо меня утешает
И слова со слезами мешает.

Всё пройдёт, пройдёт, ей-богу,
Потихоньку, понемногу.
Я пройду и ты, и он –
Всё пройдёт: и явь и сон.
И не надо трепыхаться,
От обиды задышаться.
Жизнь, конечно же, не мёд,
Но она пройдёт, пройдёт.

Лёгкая материя серого денька
И влажна от мороси и весьма тонка.
Я в неё закуталась с ног до головы
И живу среди никнущей, вянущей травы,
Возле побуревшего палого листа
В двух шагах от голого серого куста.

Ничего я не знаю об этой земле,
Где осенней порой тонет город во мгле.
Ничего не могу в этой жизни понять,
Лишь могу палый лист по дороге поднять
И держать этот лист пред собой, как свечу.
А что будет потом я и знать не хочу.

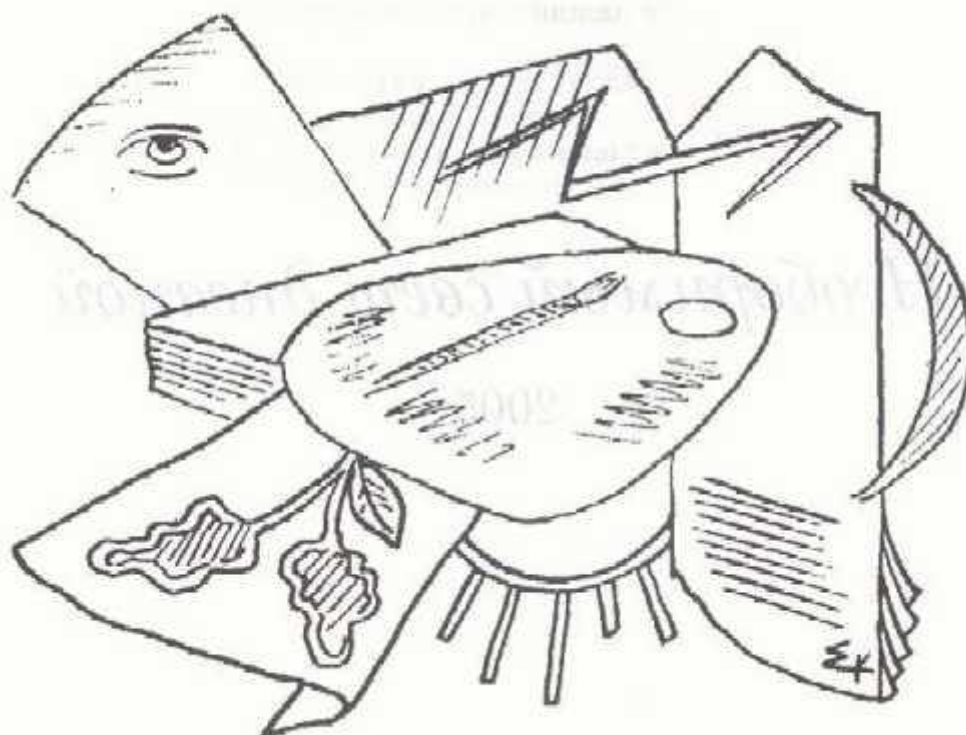
Боже мой, не дай пропасть.
Я, хоть малая, но часть.
Часть Тебя. Спаси, помилуй,
Надели нездешней силой,
Дай мне выбраться на свет.
Тьма кругом. Дороги нет.
Умоляю, посоветуй
Что мне делать с жизнью этой.

Такого чаяла душа,
Чему названья в мире нету.
7.30. Дело шло к рассвету,
Светлело небо, не спеша.

А снег летел, летел, летел
И, до земли не долетая,
Вдруг исчезал, тихонько тая,
Среди других небесных тел.

Необоримый свет дневной

2005

То тает, то метёт,
Метёт и снова тает.
А жизнь – она летает,
А вовсе не идёт.

Летает жизнь моя,
Скрывая цель полёта,
Нашёптывая что-то,
Чего не слышу я.

На земле большой и белой
Ученицей неумелой
Я вступила в новый век,
Где лежит такой же снег,
Так же каркают вороны,
Где светло от снежной кроны,
Где, как в веке прожитом,
Уповаю на “потом”.

Я неспешно живу на окраине дня.
Слава Богу, никто не торопит меня,
Не стоит над душой, умоляя: “Скорей!”,
И танцуют снежинки вокруг фонарей.

А под снегом земля до того хороша,
Что совсем в поднебесье не рвётся душа.
Ей и здесь хорошо, в этом снежном плену,
Где огромная туча закрыла луну.

На чём стою сама не знаю,
На чём-то зыблемом стою.
Под вешним солнцем тихо таю,
Верней не тАю, а таЮ
Всё то, что больно душу ранит...
Сверкает талая вода,
И горизонт далёкий манит:
“Сюда, болезные, сюда”.
Уж сколько раз мы их слышали —
Те ласковые голоса,
Уж сколько раз манили дали,
Томили душу небеса.
И не кончается морока,
И под ногами тает лёд,
И только то и видит око,
Чего наш бедный зуб неймёт.

Три дня остаётся, три дня,
Всего лишь три дня до апреля.
Там воды струятся, звеня,
Там царствуют вешние трели,
Там будут на солнце сверкать
Осевшего снега остатки,
Там буду я что-то черкать
В растрёпанной этой тетрадке.

Жизнь, твои каля-маля
Плохо разбираю...
Под лучом сыра земля.
Так и обмираю,
Глядя как они нежны –
Мартовские льдинки.
И воздушны и влажны
Вешние картинки.
Краска белая течёт,
Смешиваясь с синей.
Нынче их наперечёт –
Неразмытых линий.
Тут проталины, а там
Облака белёсы.
Заглушает птичий гам
Все мои вопросы.

По ледяным прозрачным водам
Под лучезарным небосводом
Сверкающим апрельским днём
Безостановочно плывём.
Сопровождаемые граем
И щебетаньем уплываем,
Плывём в сплошную темноту,
Блаженно щурясь на свету.

Плачется мне. Хорошо нынче плачется.
Плачет со мной сыроватый апрель.
Солнце за тучку небесную прячется,
Детский кораблик садится на мель.
В этих широтах сто лет зимовали мы,
Светлый апрель избавленья принёс.
Манит он нас бесконечными далями,
Теми, что мне не видать из-за слёз.

Трепещут лёгкие крыла...
Я тоже на земле была,
И всё ещё хожу по ней
Средь вешних зыблемых теней.

Мала апрельская трава,
И впору позабыть слова,
И над землёю воспарить,
И тихим пёрышком сорить.

Этот день, что уже на излёте,
Завершится на горестной ноте,
Он погаснет часа через два,
С Божьим миром простившись едва.

И в предчувствии скорой разлуки
Я ловлю его слабые звуки,
И лицо подставляю лучу,
И прощаться совсем не хочу.

Мир тебе, моя земля.
Отдохни немного.
Всё бежит она, пыля,
Дальняя дорога.
А по ней идут, идут
До седьмого пота...
Я хочу остаться тут –
Не идётся что-то, -
Сесть на старенький пенёк,
Чтоб блуждали тени,
Чтоб вечерний луч прилёт
На мои колени.

Всё только сны и миражи.
Кружи, мой маленький, кружи
По белу свету
И этим светом дорожи.
Другого нету.
А если есть, то что с того
И что мы знаем про него?
Нам этот снится.
То в поле лютики его,
То в небе птица.

Сирень в саду моём цветёт.
Метель июньская метёт.
Летят по ветру лепестки...
Разжала боль свои тиски,
И я упала на траву,
Беззвучно выдохнув: “Живу”

Пух роняют тополя.
Что ни миг – белей земля,
Дольше день, светлее ночи,
Выше небо, жизнь короче.

Необоримый свет дневной...
Мгновенье, чаемое мной,
Не улетучилось покуда.
Живу и нет иного чуда
На всей поверхности земной.
Живу и солнечную нить
Я продолжаю длить и длить.
Она тонка и ненадёжна,
Но я живу и значит можно
Речной и хвойный воздух пить.

Снова летняя пора.
Птица серого пера
На моё окошко села,
Нечто звонкое пропела.
Больше нету новостей.
Если хочется вестей,
То придётся научиться
Понимать что молвит птица.

Я сегодня на фоне зелёном живу.
Рядом красный пион расцветает.
Белый пух перед тем как упасть на траву
Возле тополя кружит, летает.

Всё мираж: я сама и пионы, и пух,
Всё уйдёт, облетит, растворится.
День зажётся давно и пока не потух.
Он почти что до полночи длится.

Ах не гасни, светлейший, не гасни, продлись,
Дай же мне на тебя наглядеться.
Высока и бездонна небесная высь,
И с земли никуда мне не деться.

Дай поверить, что это воистину так.
Хорошо мне на фоне зелёном...
А сегодня расцвёл ослепительный мак
Рядом с пышным и красным пионом.

Ни мыслишки в голове,
Думать так не хочется.
Я лежу в густой траве,
А она щекочется.
Я гляжу на облака,
А они не движутся.
Разжимается рука
И роняет книжицу.
Не пойму чего хочу.
Тихо за околицей.
Я лежу себе, молчу,
А кузнечик молится.
Мне с земли подняться лень,
А земля вращается.
За поля уходит день
И не возвращается.

Не умираем никогда.
Несутся мимо электрички,
Шуршит трава, щебечут птички,
Поют электропровода.

Шумят эдемские сады,
Струится облачное млеко.
Июньский день. Начало века.
На тропах влажные следы.

День этот долгий живи и не комкай.
Чёрная бабочка с белой каёмкой
Села на скромный цветок полевой.
Очень непросто остаться живой:
Шапкой накроют, наступят случайно.
Чёрная бабочка. Хрупкая тайна.
Чёрная бабочка так хороша,
Что от восторга заныла душа.

Столетия нового виток.
Людской немислимый поток.
И пыль и грохот, как в аду,
А ты дудишь в свою дуду:
Нежна, мол, бабочки пыльца,
Жасмин белеет у крыльца.

Лене Колат

Рисунки тушью и углём...
О чём так горестно поём?
О чём поёт штришок мгновенный —
Итог любви самозабвенной?

О том лишь только и поёт,
Что жизнь — стремительный полёт
Из тьмы на свет, во тьму из света
И вечна только песня эта.

Что поделаешь с этой вселенской тоской...
Одинокий художник в своей мастерской
В перламутровой вазе напишет сирень,
Проведя за мольбертом который уж день.

Будет эта сирень до того хороша,
Что на миг возликует больная душа.
А потом он поставит картину туда,
Где другие пылятся года и года.

А под окошком у меня
Белел жасмин среди бела дня,
Висело облако над ним,
А я жила лишь днём одним.
Одним, но длинным, как река,
В которой тонут облака.

Полно лить одинокие слёзы.
Голубые летают стрекозы,
Голубые висят небеса,
До заката четыре часа
Незаметных, стремительных, вечных.
Проведи их среди этих беспечных
Божьих тварей, легчайших на вес,
Чьи тельца голубее небес.

Июля лёгкое туше...
Куда ни глянь – кругом клише,
Всё повторяется, но Боже,
Сии повторы мне дороже
Любого чуда, и в душе
Я умоляю: “Повтори,
Июль, с зари и до зари
Весь путь, весь дивный распорядок.
Жасмин твой бел, и плод твой сладок,
Как и велят календари”.

Поля в вечерней позолоте.
День кончится на тихой ноте,
Единственной из тех семи,
Что всем известны. Не томи,
Звучи, и пусть в последнем звуке
Живёт предчувствие разлуки,
Любовь, сходящая на нет,
И близость ночи, и рассвет.

Когда нас музыка покинет,
И день, что полон звуков, минет,
И день придёт глухонемой
Что станем делать, милый мой?
Откуда станем черпать звуки?
На свете нет такой науки,
На свете нет таких чудес.
Живи, бемоль. Живи, диез.

Куда спешить? Ведь не горит.
Куст отцветающий сорит
Вторые сутки лепестками,
Под кучевыми облаками
Малютка ласточка парит.

Куда спешить? Побудем здесь
И назовём старинным “Днесь”
День, что течёт - не утекает
И нам, как может, потакает,
И от любви лучится весь.

А завершится всё слезами.
Глядят лучистыми глазами
На нас большие небеса.
Живём и знать не знаем сами
Где будем через полчаса.

Где будем мы, что с нами будет,
Какие ветры лоб остудят
И что в бараний рог согнёт,
И что уйти с земли принудит –
Какой невыносимый гнёт.

Живём покуда не стрясётся
Всё худшее. И кто спасётся?
Кого Всевышний пощадит?
Душа в болящем теле бьётся
И ветер в проводах гудит.

Да не знать нам ни тягот, ни муки.
Чьи-то лёгкие, лёгкие руки
Приподнимут нас и понесут
Над землёй, как хрустальный сосуд.
Над отвесными скалами, мимо
Чёрной бездны. Да будем хранимы
И лелеемы, и спасены,
В даль пресветлую унесены.

Живу у Господа в горсти,
Где бремя лет легко нести.
Земли почти что не касаясь,
Живу, того лишь опасаясь,
Что ночью иль средь бела дня
Всевышний выронит меня.

Сто оттенков травы и воды.
День уйдёт, заметая следы,
Унося с собой всё, что несомо,
Полупризрачно и невесомо,
Унося неизвестно куда.
А пока что бликует вода,
И тропа, извиваясь, бликует.
Всё живое под солнцем ликует.

С берёзы семена летели...
А я жила без всякой цели,
Как эта тихая трава.
Шёл самый первый день недели,
Слегка кружилась голова
От быстрых бабочек, снующих
В нагретых солнцем райских куцах,
От зыбких бликов на реке,
От трав и листьев, нежно льнущих
К моим коленям и руке.
Играл с тенями лёгкий ветер,
И длился день, и был он светел,
И не кончался дивный сказ,
И я, забыв про всё на свете,
Жила лишь солнечным “сейчас”.

Жизнь не сдержала обещанья.
Что ни мгновение – прощанье
На дни, на годы, на века,
И от слезы влажна щека.
Разлука, проводы, потери,
Захлопнулись тугие двери,
Свечу задуло сквозняком,
И всхлип, и вздох, и в горле ком.

Лист желтел и золотился.
Ночь прошла, и день родился
Новый, чистый, как роса,
Или птичьего голоса.
Как младенца мне приветить?
День рожденья как отметить?
Он подарки дарит мне –
Куст рябиновый в огне,
Гроздь красные рябины,
Те, что мною так любимы.

С любовью к зябким вечерам,
К роскошным яблочным пирам,
К смолистым запахам древесным,
К речным, озёрным водам пресным,
С любовью в сердце я живу
И не ступаю, а плыву
В осеннем воздухе прозрачном
В вечерний час в посёлке дачном.

Господь почил от дел своих.
Мир безмятежен был и тих,
Большие бабочки летали.
А впрочем, это всё детали.
Здесь важно, что была тиха
Вселенная, и ни штриха
Пастозного, ни грубых вмятин
И никаких кровавых пятен.

О драгоценная морока,
Дней ненаглядных канитель.
Заросший сад ласкает око
Двенадцать сказочных недель.

Волшебны птичье оперенье
И крылья бабочки вон той,
И что ни утро – озаренье
И сад от солнца золотой.

Клевер лесной, василёк луговой –
В эти детали ушла с головой.
Спорыш, кислица, яснотка, полынь
И надо всем этим горняя синь.
Как ты зовёшься, былинка моя?
Книгу листаю про эти края.
Дайте немного ещё поживу,
Всех вас по имени я назову.

Устал? Ну потерпи немного.
Уже сужается дорога,
Уже идти недалеко
И скоро будет так легко,
Легко, вольготно и привольно,
И не опасно, и не больно.
Ещё немного здесь побудь,
А дальше – дальше Млечный Путь.

Живу, ни во что не вникая.
Меня за собой увлекая
Летят августовские дни.
Оно умирая сродни –
Во тьму уходящее лето.
Всё смолкло, и песенка спета.
Во мне и во вне тишина.
Да будет целебна она.

О Господи, с кем не бывало.
Лелеяла жизнь и ломала,
Жалела и била поддых,
Без точек и без запятых
Толкала безумные речи,
И руки мне клала на плечи,
Почти покидала меня,
Сурово молчанье храня.
И нет ни конца, ни предела,
И мается бедное тело,
И крылышком мятым шурша,
Беззвучно рыдает душа.

Летает лист сухой и яркий.
Давай в осеннем лесопарке
Бродить, не помня ни о чём.
Уж мы-то знаем что почём.
Нас в допотопном этом мире
К земле такие тянут гири,
Что нам с тобой сам Бог велел
Бродить среди летучих тел,
Средь тех, что кружатся и вьются,
А упадут – не разобьются.

Сухие листья, пламя, дым...
Отсюда не уйти живым,
Живым не выбраться отсюда.
Огонь и золото повсюду.
Купаюсь в золоте, в огне,
И ничего не надо мне -
Ни летней неги бесконечной,
Ни обещанья жизни вечной.

Глядит на нас цветок герани,
Не ведая, что мы на грани
Отчаянья, небытия.
Печальна песенка сия.
Её и прежде распевали
И к небу руки воздевали:
“Зачем, о Господи, зачем,
Зачем мы здесь?” Но был Он нем.
И только листья шелестели,
Как будто бы помочь хотели,
Сказать на языке своём:
“Давай о радостном споём”.

Сыну Илюше

Посидим с тобой немного на поваленной берёзе.
Он нам дан – покой душевный, но в ничтожно малой дозе.
Но спасибо и на этом. Но спасибо и на этом.
Поражает лес осенний золотисто-алым цветом.
Сколько можно поражаться? Всё давно уж не в новинку.
Лист слетевший, покружившись, осторожно лёг на спинку.
Поглядим же друг на друга ты да я, да лист опавший.
На поваленной берёзе отдохнём душой уставшей.

Жизнь уходит, а я не готова
Отпустить её. Боже ты мой.
Я ещё не сказала ни слова.
Лишь мычала, как глухонемой.
Я ещё не познала свободы
От оков добытийного сна.

Лист ложится на стылую воду,
И земля под осиной красна.

И плыли утки по воде,
И плыли утки,
Играл осенний тонкий луч
На серой грудке,
Играли блики на воде,
И листья плыли,
И мы, присевши у воды,
Себя забыли.
И мы забыли и себя
И время суток,
И только видели листву
И серых уток,
И всё кружило и текло,
Дул слабый ветер,
И было тихо и тепло
На белом свете.

Всю весну и лето, лето
Я училась в школе света.
Тихой школьницей послушной
Я жила в среде воздушной,
И за небом, что безбрежно,
Наблюдала я прилежно,
Наблюдала дня свеченье -
Было сладостным ученье.

Нас Бог послал сюда любить,
Дыханье близкое ловить.
Нас Бог послал сюда влюбляться
В леса, что скоро оголятся,
В недостигаемость небес,
В летящий мне наперерез
Пожухлый лист на пёстром фоне,
В твои глаза, в твои ладони.

Только будьте со мною, родные мои.
Только будьте со мною.
Пусть стоят эти зимние, зимние дни
Белоснежной стеною.

Приходите домой и гремите ключом
Или в дверь позвоните,
И со мной говорите не знаю о чём,
Обо всём говорите.

Ну хотя бы о том, что сегодня метёт
Да и солнце не греет
И о том, что зимой время быстро идёт
И уже вечерет.

Идёт за пастырем ягнёнок.
Белей младенческих пелёнок
Овечье тонкое руно.
А небо так удалено
И так лучится, так лучится,
Что, верь, дурное не случится,
И будет жизнь легка, светла,
И будет тихая ветла
Над тихой речкой серебриться.
И если будут слёзы литься,
То лишь от нежности одной.
Одна она тому виной.

Скольких насмерть судьба заклевала,
И опять, как ни в чём не бывало,
Лист осенний шуршит под ногой.
Да хранит тебя, мой дорогой,
Голубой и безоблачный полог,
Будь твой век и не тяжек и долог,
Да кружит над тобою листва,
К волосам прикасаясь едва.

Я ещё не надыхалась,
Я ещё не нагляделась.
С ранним снегом грязь смешалась,
И куда-то осень делась.
Я ещё не нагрустилась...
Бог послал воронью стаю.
Я на лавку опустилась
И сижую ворон считаю.

Светла и празднична Эллада.
Она всему по-детски рада.
На древней амфоре – бегун.
Он полон сил, плечист и юн.
Он сквозь века бежит по кругу,
Стремясь догнать свою подругу –
Дриаду? Нимфу? Вон она –
Недосягаема, юна.
Ах, этот бег неукротимый.
И что ему наш край родимый,
Где сердце ноет и дрожит?
Он, юный, знай себе, бежит.

* * *

Художнику

1

В который раз собор в тумане.
Едва заметны арки, грани,
Легки несметные мазки.
Искусство – средство от тоски.

Он пойман – мир неуловимый,
Неисчерпаемый, любимый,
Где еле виден лёгкий шпиль.
А жизнь – она не прах, не пыль.

Она - вон тот собор воздушный...
Танцуй же, кисть, и будь послушной.
Собор с фасада и с торца...
Танцуй же, кисть, в руке творца.

2

Ты повторился? Не беда.
Кувшинки, лилии, вода,
Вода, кувшинок отраженье,
Воды бесшумное круженье.
Ещё, ещё, анкор, анкор.
Сто лет прошло с тех давних пор.
И вот опять ты повторился,
И пруд лучами озарился.

3

Дева юная в светлых тонах.
Живописец совсем не монах.
Он возвращён сумасбродным Парижем.
Дева юная с локоном рыжим,
С нежной шеей, с покатым плечом.
Он о чём – этот холст? Он о чём?
Он о том, что земное телесно,
Простодушно, порочно, небесно.
Героиня – кокотка? Жена? –
В круглом зеркале отражена.

А жизнь идёт и ввысь и вглубь.
Ты эту чашу лишь пригубь –
Не оторвёшься никогда
И будешь долгие года
Из хрупкой чаши пить и пить,
Стремясь ни капли не пролить.
И вот уж показалось дно.
Как небо светлое оно.

Я поставила флоксы в хрустальную вазу.
Они вскоре увяли, хотя и не сразу.
И вода ключевая им не помогла.
Лепестков пена белая на пол легла.
И когда я потом лепестки выметала,
То вздыхала и плакала, и бормотала:
“И зачем это дарят друг другу цветы?
Нет грустнее подарка и горше тщеты.”

А ещё я забыла сказать,
Что свободно могу осязать
То мгновенье, которое будет,
Луч, который нас завтра разбудит,
День, который ещё не настал,
Дождь, который давно перестал,
Весть, что в окна вот-вот постучится,
И беду, что не скоро случится.

Четвертая страница обложки

Что там в дыму и печали?

**- Прошое, - мне отвечали, -
Там драгоценные тени,
Ангелы там пролетели.**

Что же мне делать с тенями,

С теми далёкими днями,

Что отпылали, как в домне?

- Помни, - сказали мне, - помни.

Содержание

В мире зыбких величин. 2002 г.

Ну а после, коль не бредим,
Зреют яблоки на ветке...
День выдохся, его сморило,
Что со мною? Я болею,
Окружение кружевное...
Тихой птички перелёт,
Да не прервётся связь времён!
Мой зелёный тихий сад,
А я гляжу не без опаски
В мире зыбких величин
Вся в золотом долина плача.

Горизонта текучая линия. 2003 г.

Откуда я? Откуда ты?
Ночь метельная была.
Храни нас Бог, храни, храни.
Всё “зачем” да “почему”...
На тропе, что тянется,
Небо синее, синее, синее,
Ну успокойся, успокойся,
Мне сегодня не до сна,
Посулы дивные всё глуше.
Боже, как освободиться?
Сверху светлая черта,
Свет негаснущий льётся и льётся...
Жизнь – она весела и печальна,
Ничего не понимаю.
Что вижу, о том и пою.
Кругом воздушная среда,
Дома крашенный фасад,
Текущий день, сходя на нет,
Летают влюблённые в небе белёсом...
Жизнь – она твоё личное дело.
День за днём идём по кругу...
Сценка с бабочкой. Сценка с листом,
Все эти маленькие люди
Ни о чём ещё не было речи...
А мир так безнадежно плох,
И нет завершенья. Ещё не конец.

Посреди земли. 2004 г.

Ночь за окном. Эта ночь за окном...
Снежинки, как ангелы, с неба летят.
Столько белого кругом.
Что делать в этот день метельный?
Шуршание и хруст,
С белым светом говорю,
Пишу короткие заметки...
Сероватое небо такое,
Я прошу: не покинь, не покинь,
Красное яблоко падает в снег.
Что делать посреди земли?
Прошлых ливней влажный след,
Голубое, зелёное всюду...
Цвела крапива жёлтым цветом,
А день летуч, как лёгкий штрих,
Мак в бутылке. Красный мак
Я живу в зелёной зоне,
В нашей средней полосе
Сядем на завалинку. Будем толковать.
Земля – это гиблое место.
И сказать не могу как устала,
К этой жизни нет отмычки...
Грусть моя никуда не девается,
То по крестикам сирени,
Ждёшь новенького? Жди. Авось оно случится.
Эта влажная ветка в открытом окне,
Три горчайшие таблетки
Целые сутки дождя шелестение.
Что надо, чтобы жить?
Чего мне хочется? Побега.
А дело было летом, летом,
От яблок ветка тяжела.
Так грустно, Господи, так грустно.
Одна поэзия, без прозы...
Течению жизни никак не мешая,
На фоне синем и зелёном –
Вы все живёте. Я мечусь.
Где-то музыка играет,
А с небес, что чисты, как вначале,
Всё пройдёт, пройдёт, ей-богу,
Лёгкая материя серого денька
Ничего я не знаю об этой земле,
Боже мой, не дай пропасть.
Такого чаяла душа,

Необоримый свет дневной. 2005 г.

То тает, то метёт,
На земле большой и белой
Я неспешно живу на окраине дня.
На чём стою сама не знаю,
Три дня остаётся, три дня,
Жизнь, твои каля-маля
По ледяным прозрачным водам
Плачется мне. Хорошо нынче плачется.
Трепещут лёгкие крыла...
Этот день, что уже на излёте,
Мир тебе, моя земля.
Всё только сны и миражи.
Сирень в саду моём цветёт.
Пух роняют тополя.
Необоримый свет дневной...
Снова летняя пора.
Я сегодня на фоне зелёном живу.
Ни мыслишки в голове,
Не умираем никогда.
День этот долгий живи и не комкай.
Столетия нового виток.
Рисунки тушью и углём...
Что поделаешь с этой вселенской тоской...
А под окошком у меня
Полно лить одинокие слёзы.
Июля лёгкое туше...
Поля в вечерней позолоте.
Когда нас музыка покинет,
Куда спешить? Ведь не горит.
А завершится всё слезами.
Да не знать нам ни тягот, ни муки.
Живу у Господа в горсти,
Сто оттенков травы и воды.
С берёзы семена летели...
Жизнь не сдержала обещанья.
Лист желтел и золотился.
С любовью к зябким вечерам,
Господь почил от дел своих.
О драгоценная морока,
Клевер лесной, василёк луговой –
Устал? Ну потерпи немного.
Живу, ни во что не вникая,
О Господи, с кем не бывало.

Летает лист сухой и яркий.
Сухие листья, пламя, дым...
Глядит на нас цветок герани,
Посидим с тобой немного на поваленной берёзе.
Жизнь уходит, а я не готова
И плыли утки по воде,
Всю весну и лето, лето
Нас Бог послал сюда любить,
Только будьте со мною, родные мои.
Идёт за пастырем ягнёнок.
Скольких насмерть судьба заклывала,
Я ещё не надышалась,
Светла и празднична Эллада.
Цикл стихов «Художнику»:
 В который раз собор в тумане.
 Ты повторился? Не беда.
 Дева юная в светлых тонах.
А жизнь идёт и ввысь и вглубь.
Я поставила флоксы в хрустальную вазу.
А ещё я забыла сказать,

Четвертая стр. обложки
Что там в дыму и печали?